

Из записок библиографа

Недавно, перелистывая комплект старой газеты «Красная молодёжь»,¹ в № 9 от 9 марта 1929 года я с любопытством прочитал письмо.

Переяславским пионерам.

Дорогие товарищи!

Мы солидарны с Вами. У нас в Австрии очень много безработных. Предприниматели закрыли на 3 года производство. Это были рудники. Поэтому наши родители остались без работы, благодаря чему нам приходится голодать и мёрзнуть. Дорогие пионеры. Разве у вас в России так же? Наш один коммунист рассказывал, что у вас совсем иначе, что у вас рабочие имеют все права.

Что вы делаете в школе? Учат ли вас так же закону божьему? Наше местечко находится в двух часах ходьбы от границы Югославии. В этой стране имеется король, он заставляет записать в тюрьмы коммунистов, которых удаётся поймать, и их там бьют.

Пишите нам о вашей жизни, так как социал-демократы и христианские социалисты говорят нам, что в России хуже, чем где бы то ни было. Мы не можем этому верить и поэтому нас называют большевиками.

Будьте готовы! Всегда готовы!

Пельфинг. Австрия. (12 подписей.)

Это письмо вдруг вызвало во мне какое-то смутное воспоминание. Я извлёк из кармана свою старую записную книжку, перелистал потрёпанные страницы и вот что ярко встало в моей памяти:

10 апреля 1945 года... В Вене идут жестокие бои. Гитлеровцы отчаянно сопротивляются и уже во многих местах подожгли старый красавец-город. Наши солдаты теснят фашистов и одновременно тушат пожары. Нам было жалко, если сгорят знаменитые по своей архитектуре здания дворца, парламента, университета, театра, собора Святого Стефана... Жалко было всю Вену.

В тот день мне с группой солдат предстояло добыть кое-какие сведения, интересовавшие наше командование. Но получилось так, что нам не удалось сделать это сразу и волей-неволей пришлось заночевать в первой попавшейся квартире. Нам открыли дверь. В передней стояли перепуганные старик и старушка, они твердили, что ни оружия, ни солдат у них нет. Мы прошли в комнаты, тускло освещённые свечами. Я заметил рояль и меня потянуло к нему, открыл крышку и стал слегка наигрывать вальс «На голубом Дунае».

Не успел я взять несколько несмелых аккордов, как оба старика были уже рядом.

— Русский играет Штрауса? — спросили они с удивлением. Оглянувшись, я молча кивнул им головой...

Есть такое немецкое слово «зоо!». Это и восклицание, и удивление, и выражение удовольствия, и переданное в звуке дружеское приветствие. Вот это-то «зоо!» вдруг в один голос произнесли старики. Они были уверены, как я узнал позже, что русские солдаты обязательно рубят рояли топором, а если хотят извлечь из них звук, то делают это не иначе как ногами. Но, чтобы русские играли на этом чудном инструменте и к тому же знали Штрауса! — Это уже было сверх их понимания. Я подумал тогда, как глубоко и, очевидно, старательно, на протяжении многих лет разношёрстные социал-демократы, христианские социалисты, а затем фашисты, пришедшие здесь к власти, вбивали в головы простых австрийцев человеконенавистнические бредни. И вот как легко и просто их можно разубедить.

В награду за свою примитивную игру я получил стакан воды и ложку варенья. Старики предупредили, что больше у них нет ничего. Мы знали, что венцы голодают, что Гитлер, ведя

*Васильев, С. Д. Из записок библиографа / С. Д. Васильев // Коммунар. — 1951. — 19 октября. — С. 2.

¹Орган Владимирского губернского комитета ВЛКСМ.

разрушительную войну, обобрал их до нитки. Я и мои солдаты отдали старикам наш хлеб, сало и селёдки. Старики ещё больше были тронуты этим. Мы разговорились. Они поведали мне, что у них несколько лет назад случилось «большое горе» — дочь вышла замуж за рабочего. И зять, и дочь пропали с начала войны. Говорили, что они в тюрьме или лагере...

— Вы подумайте, — восклицали старики, — наш зять оказался коммунистом!

Вместо сочувствия мне оставалось только улыбаться их мнимому горю. Я ничего не сказал этим по-детски наивным и старым супругам о том, что несут в своей борьбе коммунисты простым людям мира. Когда-нибудь всё это они увидят своими глазами и познают настоящую радость. И тогда она прозвучит для них столь же убедительно, как исполненный мною вальс Штрауса...

На следующий день мы производили разведку по интересовавшим нас вопросам. Наш сержант поздно вечером привёл ко мне трёх австрийцев. Один из них немного говорил по-русски. Мы быстро нашли общий язык и я узнал от него то, зачем был послан сюда.

Неожиданно в комнату, словно гонимый ветром, вошёл вчерашний старик.

— Пауль! — крикнул он и бросился на шею к моему собеседнику, разговаривавшему по-русски. Это оказался пропавший зять стариков — рабочий одного из венских предместий Флорисдорфа, Пауль Венцель.

Наш разговор с Паулем Венцелем не был ещё закончен и я попросил старика оставить нас наедине, обещав через полчаса отпустить его зятя.

Прощаясь, Пауль Венцель обратился ко мне со следующими словами:

— Вы удивляетесь, что я знаю русский язык. Лет пятнадцать тому назад, когда мы были пионерами в городе Пельфинг, это на юге Австрии, мы переписывались с русскими пионерами. Я знаю в России два города: Владимир и Переславль, кроме Москвы, конечно...

Я чуть не подпрыгнул от удивления: в Вене услышать о Переславле?! Было чему удивляться.

— Мы переписывались с переславскими пионерами и учились русскому языку. Наша переписка помогла мне стать комсомольцем, а потом коммунистом. Но с тех пор много воды утекло в Дунае. Нас бросали в тюрьмы, в лагеря смерти... Многих уже не осталось в живых. А такие, как я, продолжали подтачивать фашистский режим... Теперь пришли вы и нам будет легче. Правда, впереди ещё много работы, но теперь-то мы покажем себя всяким любителям войны. Пусть помнят, что есть на свете Сталин и Советский Союз. Народ за вас!

Эта горячая отрывистая речь глубоко взволновала меня и я крепко пожал руку бывшему пионеру, австрийскому коммунисту, с честью прошедшему через тяжёлые годы испытаний, борцу за передовые идеи человечества...

Закрывая свою записную книжку, я снова поглядел на пожелтевшие листы газеты «Красная молодёжь» и попытался мысленно представить себе судьбу бывших пионеров двух стран: Австрии и моей Родины... В Австрии почти всё осталось по-прежнему: на фабриках — фабриканты, угроза безработицы... По соседству многострадальный югославский народ, попавший из рук короля Александра в лапы фашиста Тито. Всё так же Вену заслоняют чёрной тенью рясы шпионов Ватикана и реакционные продажные газетки по приказу из Вашингтона снова истерично взывают: «Пушки — вместо масла!» Вероятно, мало чем изменилась и судьба австрийского рабочего Пауля Венцеля, который, несомненно, ещё крепче держит в руках оружие борьбы с тёмными силами и которого по пятам продолжают преследовать полицейские ищейки.

Но 764 тысячи австрийцев уже подписали Обращение Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

А где же те переславские пионеры, которые 22 года тому назад переписывались со своими австрийскими товарищами?

Совсем недавно нам пришлось встретиться с некоторыми из них. Это случилось на митинге работников фабрики киноплёнки, посвящённом сбору подписей под тем же Обращением Всемирного Совета Мира. Бывшая вожатая пионерского звена, завязавшего эту переписку, Ольга Степанова, ныне экономист фабрики, рассказала о замечательной судьбе советских сверстников Пауля Венцеля — членов своего звена. Василий Грачёв — техник-строитель переславской фабрики «Красное эхо». Лев Юрасов — инженер Морского Флота, Елизавета Шутова — преподаватель средней женской школы имени Ленина в Переславле, Алексей Головин — подполковник Советской армии, Серафима Градина и Нина Кумошенская — партийные работники, Виктор Кочнев — инженер речного флота. Все они, как и миллионы советских людей, получили благодаря заботам нашей партии и правительства среднее и высшее образование и в настоящее время живут и работают в различных городах Советского Союза на благо своей Родины, оплота мира во всём мире.

Так сложились судьбы бывших пионеров двух различных миров.